

С того дня, как на диких горах произошло нападение, минуло несколько суток, и в Цюнсяогэ, казалось, вновь воцарилось прежнее спокойствие. Однако для Линь Юньсю тревога, затаившаяся в глубине души, стала лишь сильнее из-за одного, казалось бы, обычного наставления Цзян Шуин.

Первые три формы Меча текучей воды — по пятьсот раз в день.

Наказание не назовешь суровым, его даже можно было счесть за обычное усердие старшей сестры в отношении новой ученицы, чьи способности сносны, а вот владение мечом оставляет желать лучшего. Однако, вспоминая тот взгляд, который, казалось, физически ощущался сквозь белую повязку перед её уходом, Линь Юньсю не могла не видеть в этом своего рода проверку.

Она не смела проявлять небрежность. Ежедневно, закончив обязательные занятия в секте, она находила уединенную поляну в бамбуковой роще и раз за разом отрабатывала эти три базовых движения. Меч текучей воды в Цюнсяогэ требовал, чтобы сила меча была округлой и плавной, словно журчащий ручей, непрерывной и бесконечной. Для Линь Юньсю, которая уже постигла суть техники Зеркального сердца гор Сюаньцзин и достигла немалых высот в искусстве фехтования, эти три формы были до примитивности просты.

Сложность заключалась в том, как, не раскрывая истинного уровня мастерства, исполнить эту простоту так, чтобы это выглядело естественно. Нужно было показать признаки старания, но при этом не прогрессировать слишком быстро, чтобы не вызвать подозрений. Она намеренно сдерживала циркуляцию духовной энергии, придавая звуку рассекаемого мечом воздуха некую вязкость, а в движениях собственного тела порой допускала легкую угловатость.

Бамбуковые тени колыхались, солнечный свет, пробиваясь сквозь густые листья, ложился на её одежду и каменную плиту пятнистыми бликами. Пот постепенно пропитал спину синего халата внешней ученицы, несколько прядей волос прилипли ко лбу, вызывая легкий зуд. Она была сосредоточена, а точнее, была вынуждена заставлять себя быть сосредоточенной, погружая весь свой дух в оттачивание этих примитивных приемов.

И все же тот белоснежный, холодный образ то и дело невольно возникал в её мыслях.

Цзян Шуин... Сколько именно она разглядела? Те глаза, скрытые белой повязкой, действительно ли больны, как гласят слухи? Или же под этой тканью скрывается еще более поразительная тайна? И что именно она способна видеть?

В смятении чувств рука невольно напряглась, острое меча пронзило воздух с резким свистом, нарушив мягкий ритм, подобающий технике текучей воды.

— Когда сердце беспокойно, дух меча становится суетливым.

Холодный голос раздался у края бамбуковой рощи без всякого предупреждения.

Сердце Линь Юньсю дрогнуло, она резко остановила движение и обернулась на звук.

Цзян Шуин стояла там, неизвестно когда появившись. Всё та же повязка на глазах, белоснежное даосское одеяние, чистое, словно не знавшее пыли, — она казалась неотъемлемой частью этого уединенного пейзажа. Она молча смотрела в сторону Линь Юньсю, солнечный свет очерчивал её фигуру тонким ореолом, делая её еще менее похожей на земного человека.

— Старшая сестра. — Линь Юньсю поспешно убрала меч и поклонилась, подавляя волнение и стараясь сохранить голос ровным.

Цзян Шуин медленно подошла и остановилась в нескольких шагах от неё. Вблизи Линь Юньсю еще сильнее ощутила исходящую от неё холодную отстраненность, подобную вечным снегам на вершинах гор, несущую пронизывающий холод.

— Меч текучей воды ценит дух, а не силу. Дух ведет меч, энергия следует за мыслью. — Голос Цзян Шуин звучал бесстрастно, в нем невозможно было различить ни наставления, ни упрека, словно она просто констатировала очевидный факт. — Твое запястье слишком напряжено, ты стремишься к результату, теряя саму суть текучей воды.

Линь Юньсю опустила веки:

— Ученица бестолкова, прошу старшую сестру наставить меня.

Цзян Шуин помолчала и вдруг произнесла:

— Покажи мне еще раз.

Линь Юньсю послушно повторила три формы меча. В этот раз она еще осторожнее контролировала силу и ритм, намеренно подчеркивая мелкие недостатки, чтобы выглядеть как прилежная, но бестолковая ученица.

Цзян Шуин молча наблюдала, не прерывая её.

Когда Линь Юньсю закончила движение Пронзающий скалу поток, и старая сила иссякла, а новая еще не родилась, Цзян Шуин внезапно пришла в движение.

Она не обнажила меч, лишь сложила пальцы, словно клинок, и легко ткнула вперед. Движение казалось медленным, но оно с хирургической точностью прошло сквозь малейшую брешь в стойке Линь Юньсю. Кончики пальцев, источавшие едва уловимый холод, устремились прямо к запястью девушки.

Линь Юньсю инстинктивно захотела сменить стойку для защиты или даже контратаковать — это была мышечная память, выработанная в бесчисленных схватках. Техника гор Сюаньцзин учила отвечать на удар, уже начатый врагом, находя его слабое место. В её глазах этот жест Цзян Шуин вовсе не был безупречным. Однако в мгновение ока она подавила этот порыв, намеренно задержала руку на полтакта, изображая поспешное уклонение, отчего её шаги стали неровными, и она отшатнулась назад.

Пальцы Цзян Шуин замерли в дюйме от её запястья, холод коснулся кожи, вызвав легкую дрожь.

— Здесь, — Цзян Шуин убрала руку, голос оставался ровным, — переход слишком нарочит, ты оставила брешь. В бою малейшая заминка — это грань между жизнью и смертью.

Линь Юньсю стало не по себе. Ей казалось, что она мастерски замаскировалась, но она не ожидала, что та заметит неестественность даже в намеренно созданной ею брешу. Проницательность этой старшей сестры в отношении движения энергии и техники достигла немыслимых высот.

— Благодарю за наставление, старшая сестра. — Она снова склонила голову, скрывая сложные чувства в глазах.

Цзян Шуин смотрела на неё, и казалось, что взгляд из-под белой ткани пронзает эту оболочку по имени Байлу, взирая прямо на душу самой Линь Юньсю. От этого ощущения она почувствовала холодок по спине.

— Ты не глупа, — внезапно произнесла Цзян Шуин, и в её голосе невозможно было уловить ни радости, ни гнева. — Просто мысли твои слишком тяжелы, а ум затуманен. Совершенствование подобно движению против течения: если сердце не сосредоточено, как достичь прогресса?

Линь Юньсю содрогнулась, решив, что её личность раскрыта. Она заставила себя успокоиться и ответила:

— Ученица... ученица только прибыла в секту и боится, что её стараний недостаточно, чтобы оправдать ожидания наставников, поэтому... поэтому я немного тороплюсь.

Объяснение звучало логично. Новая ученица, удостоившаяся личного внимания старшей сестры, взволнована и стремится проявить себя, из-за чего теряет самообладание.

Услышав это, Цзян Шуин больше ничего не сказала. Она лишь слегка повернула голову, словно прислушиваясь к шелесту бамбуковых листьев или воспринимая что-то другое. Спустя мгновение она негромко произнесла:

— Практикуйся усерднее, не позволяй себе лениться.

Сказав это, она развернулась и бесшумно удалилась, подобно тому, как пришла. Белый силуэт быстро исчез в глубине густой бамбуковой рощи.

Линь Юньсю стояла на месте, ладонь, сжимавшая рукоять меча, слегка вспотела. Лишь когда холодное присутствие окончательно исчезло, она медленно выдохнула, чувствуя, что спина её насквозь пропиталась холодным потом.

Каждое столкновение с Цзян Шуин было словно незримым поединком, отнимающим все силы. Она всё больше убеждалась, что эта старшая сестра непостижима, и глаза под белой повязкой видят гораздо больше и дальше, чем у обычных людей.

В последующие дни Линь Юньсю стала еще осторожнее. Она строго следовала указаниям Цзян Шуин, контролируя свой прогресс в разумных пределах. В то же время она активнее бралась за поручения секты, пытаясь в общении с другими учениками или во время редких вылазок к подножию горы узнать больше о Цюньсяогэ, и особенно о главе секты и Цзян Шуин.

Однако успехи были ничтожны. Ученики Цюньсяогэ относились к главе с благоговейным трепетом, а о старшей сестре говорили с глубоким почтением. О прошлом секты знали лишь то, что она была основана здесь много лет назад и почти не поддерживала связей с внешним миром.

Сомнения Линь Юньсю лишь усиливались. Если Цюньсяогэ действительно причастна к исчезновению её отца, почему всё вокруг выглядит таким... нормальным? Если не считать непостижимой Цзян Шуин, здесь было тихо, как в стоячем пруду.

В тот день она взяла задание по сортировке лекарственных трав на складе секты. Склад находился в уединенном дворике за главным храмом, им заведовал старый распорядитель по фамилии Цянь. Этот человек, полный и всегда одетый в выцветший серый халат, встречал учеников добродушной улыбкой, располагая к себе.

— Новая ученица, Байлу? — Распорядитель Цянь улыбнулся, протягивая ей список трав и пропуск. — В третьем помещении с западной стороны хранятся обычные травы. Пересчитай их, и если найдешь испорченные или изъеденные насекомыми — отложи в сторону.

— Слушаюсь, дядя Цянь. — Линь Юньсю приняла вещи и почтительно ответила.

Она вошла на склад и принялась за работу. Внутри стоял густой запах смеси трав — горьковатый, сладкий. Свет проникал сквозь узкие окна под потолком, рисуя игру теней на мешках и стеллажах.

Когда работа была в самом разгаре, снаружи слышались голоса. Это были распорядитель Цянь и еще кто-то.

— ...Годовая квота уже подсчитана, в этом году вышло на двадцать процентов больше, чем раньше. — Это был голос распорядителя Цяня, всё такой же улыбчивый, но в его тоне проскальзывала едва уловимая расчетливость.

— Хорошо, благодарю вас, дядя Цянь. — Раздался другой голос, чистый и холодный, как нефрит. Это была Цзян Шуин.

Линь Юньсю замерла, невольно задержав дыхание, и спряталась в тени стеллажей.

— О, это мой долг. — Распорядитель Цянь усмехнулся, и тон его стал тише. — Только... в последнее время у подножия горы беспокойно. Несколько потоков, которые должны были поступить, задерживаются уже на несколько дней. Старик беспокоится, не начала ли та сторона... снова что-то замышлять?

Та сторона? Сердце Линь Юньсю дрогнуло, она напрягла слух.

Цзян Шуин помолчала, а затем холодно ответила:

— Неважно. Главное, чтобы книги были в порядке. Остальное — в ведении секты.

— Конечно. Старик помнит о каждом долге в этом мире. — В смехе распорядителя Цяня слышался скрытый смысл. — Можете не беспокоиться, племянница Цзян.

О каждом долге в этом мире? Линь Юньсю вспомнила редкие слухи об этом распорядителе: говорили, что он мастерски ведет дела секты, особенно денежные. Теперь это казалось чем-то гораздо более сложным.

— Хм. — Цзян Шуин ответила, и послышались шаги — она собиралась уходить.

Линь Юньсю напряглась, боясь, что её обнаружат. Однако шаги Цзян Шуин у входа на мгновение затихли.

— Та новая ученица, Байлу, — голос Цзян Шуин вновь раздался, негромкий, но отчетливо долетевший до Линь Юньсю. — Если придет за месячным довольствием или наградой за задание, действуй по правилам. Особого отношения не нужно.

— Старик понял. — Ответил распорядитель Цянь.

Шаги удалялись.

Линь Юньсю прислонилась к холодному стеллажу, в её душе сгушались тучи. Кто эта сторона,

о которой говорил распорядитель? Что это за потоки и долги? И означали ли слова Цзян Шуин о том, что не нужно особого отношения, простую формальность или... завуалированное предупреждение, чтобы она знала свое место?

Раньше она думала, что Цюнсяогэ — лишь небольшая секта, известная благодаря силе Цзян Шуин, и что следы исчезновения отца ведут сюда из-за каких-то иных обстоятельств. Но теперь она смутно чувствовала, что под спокойной гладью этой секты скрываются течения, о которых она ничего не знает. И эти течения, скорее всего, неразрывно связаны с исчезновением отца.

Только вот нынешняя Байлу не могла знать всего этого. Она могла лишь продолжать играть свою роль, осторожно ступая среди теней мечей и тумана Цюнсяогэ в поисках призрачной истины. А та старшая сестра с повязкой на глазах, подобно яркому месяцу, висящему над головой, освещала её холодным светом — то ли указывая путь, то ли... внимательно наблюдая.

<http://bllate.org/book/19401/1899869>